

UNITED WISDOM

Причина, основание и оправдание: разные ответы на «почему»

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-02-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Причина, основание и оправдание: разные ответы на «почему»

Эпиграф

Знание — предмет нашего исследования.

Аристотель, «Физика», II.3, начальная часть второго предложения; собственный русский перевод фрагмента английского перевода Р. П. Харди и Р. К. Гейя. Здесь исследование направлено на объяснение природных изменений; этическое оправдание не следует из одной этой фразы.

О чём эта статья

Вопрос «почему?» кажется простым, пока один человек не отвечает на него обстоятельствами, второй — доводом, а третий — просьбой перестать обвинять. Мы можем долго спорить, хотя участники отвечают на разные вопросы. Как возникло событие? На каком основании утверждение заслуживает доверия? Что позволяет считать поступок допустимым? Эти вопросы связаны, однако ответ на один не завершает остальные. Статья предлагает различить причину, основание и оправдание, сохранив место для объяснения человеческого поведения и для ответственности за последствия. Мы обратимся к трём конкретным текстам: аристотелевскому разбору причин, его рассуждению о добровольных действиях и исследованию Юма о мотивах и необходимости. Их словари не образуют одну готовую современную теорию. Через условную историю сорванной встречи рассмотрим, как объяснение становится отговоркой, когда довод подменяют биографией и почему признание причин не требует ни немедленного прощения, ни отказа от справедливой оценки.

I. Вопрос, который незаметно меняет предмет

Разные ответы на «почему» различаются прежде всего тем, что они должны объяснить. Представим условную ситуацию: организатор переносит встречу за час до начала. Один участник спрашивает, почему это произошло. Ему отвечают, что в помещении обнаружилась неисправность. Другой хочет понять, почему новое время выбрано без обсуждения. Третий спрашивает, почему о переносе сообщили так поздно. Одна и та же неисправность может быть существенной для первого вопроса и недостаточной для двух остальных. Здесь нет необходимости объявлять кого-то нечестным. Сначала полезно установить, на какой именно вопрос дан ответ и какая часть события всё ещё требует объяснения.

Причиной назовём то, что участвовало в возникновении события: техническую поломку, действие, последовательность решений, условия. Основанием будем называть довод или сведения, поддерживающие определённое утверждение. Оправданием — довод в пользу допустимости действия либо уменьшения вины за него. Это рабочее различение статьи, а не утверждение, будто все философы пользуются словами одинаково. В разговорной речи «основание» может означать и мотив, и юридическую норму, а «причина» — почти любой ответ. Поэтому важнее функция высказывания, чем выбранное существительное. Уточнение слов полезно, когда за ним становится яснее предмет проверки.

У организатора есть запись о неисправности: она поддерживает утверждение, что помещение нельзя было использовать. Есть также переписка, показывающая момент получения сообщения. Она нужна для другого вывода — насколько позднее уведомление было неизбежным. Даже при подтверждении обоих фактов остаётся вопрос о способе принятия нового решения. Можно согласиться с объяснением переноса, оспаривать выбранный час и ожидать извинения за отсутствие обсуждения. Такая позиция не противоречива. Она становится противоречивой только после незаметного объединения разных предметов под одним широким словом «почему». Хорошее уточнение позволяет сохранить частичное согласие и назвать настоящее разногласие, вместо того чтобы снова спорить обо всём событии сразу.

II. Причина не всегда означает толчок

В «Физике» II.3 Аристотель различает несколько способов отвечать на вопрос о причине: материал, форму, источник изменения и то, ради чего совершается действие. Бронза и работа скульптора участвуют в объяснении статуи по-разному. Называть их двумя соперничающими толчками было бы ошибкой: одна отвечает на вопрос о составе, другая — о возникновении. Прочитанный текст важен здесь как исторический философский разбор многозначности объяснения. Его нельзя без дополнительного аргумента объявить схемой современной физики или психологическим описанием любого человеческого решения. Сохранённое различие, однако, помогает заметить, насколько широк вопрос о происхождении вещи.

В нашей условной встрече можно спросить, из чего сложилась проблема, как был устроен порядок уведомления, кто предпринял действие и ради какой цели поменялось время. Ответы будут связаны, но не взаимозаменяемы. Цель сохранить встречу не сообщает, кто первым узнал о поломке. Перечень участников не объясняет устройство процедуры. Знание устройства не устанавливает намерение каждого человека. Если мы ищем исключительно виновника, можем пропустить дефект организации. Если обсуждаем только устройство, можем оставить без внимания конкретное решение. Этот перенос на бытовую ситуацию — авторское применение различения, а не пример, взятый у Аристотеля.

Слово «потому» поэтому не гарантирует завершённого объяснения. Фраза «перенесли, потому что хотели сохранить встречу» сообщает цель, но не показывает, почему нельзя было выбрать другой способ. Фраза «перенесли, потому что помещение закрыли» описывает препятствие, но не выбор решения. Уточняя разновидность ответа, мы не обязаны собирать исчерпывающую историю мира. Достаточно определить, какая связь существенна для текущего вопроса. Если обсуждается надёжность уведомлений, причинный разбор должен дойти до информации и процедуры. Если обсуждается допустимость нового времени, потребуется дополнительный разговор о заинтересованных людях и доступных вариантах. Широта объяснения выбирается по задаче, а не по возможности употребить ещё одно философское слово.

III. Основание проверяет утверждение

Основание отличается от причины направлением проверки. Причинный вопрос обращён к возникновению события; вопрос об основании — к тому, почему мы должны принять определённое описание как верное или достаточно обоснованное. Неисправность могла вызвать перенос, однако рассказ о ней ещё не доказывает, что она существовала. Доступное свидетельство может поддерживать этот рассказ, а может оставлять важную неопределённость. При этом причина доверия к рассказчику и основание его утверждения тоже различаются. Уважение к знакомому человеку объясняет нашу готовность слушать. Оно не превращает каждую его техническую догадку в установленный факт о состоянии помещения.

Представим, что организатор уверен в поломке со слов другого сотрудника. Его уверенность понятна, но утверждение прошло через посредника. Участникам может потребоваться подтверждение, если от него зависит дорогая поездка или последующее решение. В другом случае достаточно уточнить, что известно сейчас, и выбрать обратимое действие. Требуемая проверка зависит от последствий ошибки. Из этого не следует, что любой повседневный разговор надо превращать в расследование. Следует более узкое правило: не сообщать степень подтверждения выше фактической. «Мне сообщили о неисправности» и «неисправность проверена» различаются даже тогда, когда оба высказывания добросовестны и в конце концов окажутся совместимыми.

Такое различение защищает и рассказчика. Он может исправить описание, не признавая ложным весь свой опыт: «Я действительно получил это сообщение, но теперь не уверен в его точности». Собеседник, в свою очередь, может признать искренность рассказа, продолжая проверять факт. Исторические тексты статьи не дают готового протокола для современной организации; изложенная процедура является авторским предложением. Её смысл в сохранении разных уровней утверждения. Мы знаем, что человек сказал; иногда знаем, откуда он это узнал; отдельно выясняем, соответствует ли сообщение предмету. Если смешать эти уровни, любое уточнение будет звучать как обвинение в обмане. Если разделить, появится возможность пересматривать сведения вместе, не требуя заранее согласиться с итогом.

IV. Мотив объясняет, но не читает чужие мысли

В VIII разделе «Исследования о человеческом разумении» Юм рассматривает переход от наблюдавшихся действий и обстоятельств к ожиданиям о поведении. Он связывает такую работу с опытом повторяющихся отношений между мотивами и действиями. В §66 он также сохраняет различия характеров, привычек и мнений: не требуется, чтобы разные люди в сходных обстоятельствах поступали одинаково. Текст Юма представляет философскую позицию своего времени. Его широкие высказывания о человеческой природе не являются современным сравнительным исследованием всех культур. Для нашего вопроса существенна более ограниченная мысль: объяснение поступка включает обстоятельства, а ожидание требует учёта различий.

Из этого не следует право уверенно объявлять скрытый мотив отдельного человека. Организатор мог стремиться сохранить встречу, избежать неудобного обсуждения, выполнить распоряжение или решить несколько задач одновременно. В условной истории мы можем описать эти возможности, однако реальному человеку пришлось бы уточнить своё решение самостоятельно. Даже его ответ не сделает все причинные связи независимо проверенными. Мотив, названный участником, является сведением о том, как он объясняет действие; внешняя последовательность может прояснить или осложнить эту картину. Иногда разные мотивы действительно сочетаются, поэтому требование выбрать единственное «настоящее» объяснение заранее сужает исследование.

Особенно легко принять убедительную психологическую историю за доказательство. «Он боялся показаться некомпетентным» может связывать события красиво, но красота связи не подтверждает её. Проверяемый вопрос звучит скромнее: что человек знал, какие варианты видел, что решил и чего ожидал? Эти ответы могут дать больше, чем диагноз мотива. Важно также не подменять неизвестное наиболее неприятной версией только потому, что результат нас задел. Последствия поступка можно обсуждать до окончательного выяснения внутренней причины. Неопределённость о намерении не запрещает назвать неудобство, потребовать ясной процедуры или отказаться от повторения ситуации. Она лишь ограничивает то, что мы вправе утверждать о чужой внутренней жизни.

V. Оправдание вводит критерий оценки

Оправдание отвечает на вопрос о допустимости либо о том, насколько поступок можно вменять человеку. Поэтому оно требует критерия, которого причинное описание само по себе не содержит. «Я был раздражён» может объяснять резкий ответ. Чтобы из этой фразы получить «ответ был допустим», надо добавить норму: при каких обстоятельствах раздражение даёт право так разговаривать? Такая норма может оказаться неприемлемой, слишком широкой или вообще не заявленной. Спор часто происходит именно в этом скрытом переходе. Один участник слышит объяснение, другой — требование прекратить обсуждение последствий, хотя эти требования не совпадают.

В «Никомаховой этике» III.1 Аристотель обсуждает принуждение, незнание обстоятельств и действия под давлением. Его пример выбрасывания груза во время бури сохраняет сложность: действие не выбиралось бы само по себе, однако в конкретный момент служит спасению людей. Этот фрагмент показывает, почему оценка зависит от ситуации и возможностей. Мы не переносим весь античный критерий похвалы, вины и прощения в современную жизнь. Тем более не превращаем его суровые рассуждения о переносимом страдании в совет подвергаться опасности. Исторический текст помогает удержать различие между отсутствием свободы и трудным выбором; он не выдаёт универсальный приговор.

Возвращаясь к встрече, можно спросить, были ли доступны менее обременительные варианты, какая обязанность существовала перед участниками и кто несёт издержки решения. Ответ не обязательно будет отрицательным. Возможно, выбранный перенос действительно был разумным. Однако разумность должна получить своё основание: доступные сведения, ограничения, сравнение вариантов, ясную цель. Наличие причины не заменяет этот разбор. Вместе с тем само причинное объяснение нельзя запрещать как отговорку заранее. Если отказ от объяснения становится условием ответственности, мы теряем сведения, нужные для предотвращения повторения. Поступок оценивается точнее, когда описание обстоятельств допускается, а вывод о допустимости остаётся открытым для отдельной проверки.

VI. Объяснение может поддерживать ответственность

Признать причину и признать последствия можно в одном высказывании. Организатор говорит: «Помещение оказалось недоступным; новое время я выбрал слишком быстро; участникам пришлось менять планы». Первая часть объясняет возникновение проблемы, вторая называет действие, третья — его результат для других. Здесь не требуется сначала решить, хороший это человек или плохой. Разбор становится конкретным. Он позволяет понять, какое звено следует изменить: проверить состояние помещения раньше, определить запасной вариант, согласовать уведомления. Извинение не обязательно должно включать полную причинную теорию. Но теория, когда она уместна, помогает сделать дальнейшее изменение содержательным.

Иногда слова «у меня были причины» используются как защита от любого вопроса. Проблема тогда состоит не в существовании причин, а в требовании считать их окончательным оправданием. Можно ответить: «Я понимаю названное обстоятельство; мне всё ещё важно обсудить способ решения». Это сохраняет услышанное и возвращает разговор к незавершённой части. Такой ответ не гарантирует согласия. Собеседник может отказать, отвергнуть критерий или иначе оценить возможности. Тем не менее предмет спора становится видимым: расхождение касается обязанности, допустимого риска, распределения издержек или достоверности сведений, а не абстрактного права иметь мотивы.

Есть и обратная ошибка: любое объяснение трактуют как отказ отвечать за поступок. Тогда человеку предлагают молчать об обстоятельствах, чтобы доказать искренность раскаяния. Это может выглядеть строго, но не делает оценку точнее. Разные обстоятельства могут существенно менять доступный выбор. Их описание не обязывает пострадавшего простить, восстановить доверие или продолжить отношения. Ответственность, прощение, восстановление доверия и предупреждение повторения — отдельные процессы. В нашей условной истории участник вправе принять извинение и всё же не идти на новую встречу. Такое решение не опровергает объяснение организатора; оно отражает предел ресурсов и собственную оценку допустимых издержек после уже произошедшего события.

VII. Когда один довод играет несколько ролей

Одни и те же сведения способны поддерживать разные выводы, но роль меняется вместе с вопросом. Сообщение о закрытом помещении участвует в причинной истории переноса. Оно также служит основанием считать прежнее место недоступным. При определённых условиях оно может поддержать оправдание срочного решения. Ни одна из этих ролей не отменяет остальные. Ошибка начинается тогда, когда поддержка первого вывода незаметно объявляется поддержкой любого вывода о событии. Именно поэтому простое правило «причина никогда не является оправданием» тоже слишком грубо. Причинные обстоятельства могут быть значимы для оценки; они лишь не завершают её автоматически.

У Аристотеля в «Физике» одно событие допускает несколько причин в разных смыслах; в «Этике» обстоятельства существенны для различения действий. У Юма история мотивов связана с ожиданием поведения. Это различные исследовательские задачи, а не три версии одного судебного правила. Сопоставление помогает увидеть, что вопрос о действии можно рассматривать с разных сторон. Оно не доказывает, что античная этика и юмовская философия имеют одинаковую метафизику свободы. Мы также не выводим современную правовую оценку из этих фрагментов. Разговор об ответственности здесь остаётся этическим и повседневным; юридические последствия требуют соответствующих норм и компетенции.

В конкретном споре поэтому полезнее спросить, какую функцию выполняет довод, чем требовать от него навсегда принадлежать одной коробке. Если запись о времени получения сообщения подтверждает позднее обнаружение проблемы, она может ослабить упрёк в промедлении. Однако она не доказывает, что уведомление было полным и понятным. При оценке одного звена объяснение становится сильнее; при оценке другого остаётся пробел. Умение назвать этот предел не выражает недоверия ко всему человеку. Оно показывает уважение к сложности события. Мы допускаем, что часть обвинения была чрезмерной, не делая противоположного чрезмерного вывода — будто никаких вопросов больше не осталось.

VIII. Хорошее намерение и проверяемый выбор

Цель поступка и качество способа достижения цели различаются. Желание сохранить встречу может быть разумным; выбранное время всё равно способно исключить половину участников. В III.2 «Этики» Аристотель различает желание цели и выбор средств. В рамках нашей статьи это позволяет сформулировать бытовой вопрос: каким действием цель должна была реализоваться? Мы не заимствуем у автора полный словарь характера или все его оценки. Нам достаточно удержать разницу между желаемым результатом и конкретным действием, за которое человек готов отвечать. Благородное название цели не заменяет обсуждение средств, доступных возможностей и предвидимых последствий.

Представим, что организатор говорит: «Я хотел, чтобы никто не потерял день». Если перенос без обсуждения заставил людей потерять время, возникает расхождение между целью и способом. Это не обязательно доказывает обман. Возможно, человек неверно оценил расписания или переоценил собственную возможность решить за всех. Теперь нужны сведения о выборе: что было известно, кого можно было спросить, сколько времени оставалось? Ответ может показать, что быстрый выбор был единственно доступным, или что поспешность имела альтернативу. В обоих случаях оценка получает предмет. Она не сводится к спору о том, достаточно ли добрым было внутреннее намерение.

Подобная точность применима и к собственной позиции. Участник может добиваться справедливого отношения, но предъявлять требование способом, который мешает прояснению. Это не уравнивает роли и не отменяет первоначальное неудобство. Это добавляет вопрос о его нынешнем действии. «Я защищаю важное» и «мой способ защиты оправдан» также требуют отдельного перехода. Иногда уточнение делает требование сильнее: вместо обвинения в равнодушии можно назвать конкретную обязанность уведомлять. Иногда оно показывает предел требования: нельзя ожидать согласования, если никакого времени для него действительно не было. Пересмотр средства не обязательно означает отказ от цели. Он может помочь выразить цель точнее и сделать последующий выбор менее зависимым от взаимных догадок.

IX. Неизвестная причина и известная граница

Полное объяснение бывает недоступно, однако практический вопрос не всегда обязан ждать его завершения. Участник не знает, почему организатор снова выбрал неудобное время, но знает, что не может участвовать. Он вправе сообщить об этом без диагноза чужого мотива. Точно так же можно изменить порядок взаимодействия, если повторяющиеся переносы делают планирование невозможным, сохранив неопределённость относительно внутренней причины. Это решение должно опираться на реально наблюдавшиеся обстоятельства и собственные ограничения. Оно не требует объявлять другого человека намеренно вредящим, некомпетентным во всём или безнадёжным. Узкое основание поддерживает узкий вывод, и этого иногда достаточно.

Иная ситуация возникает, когда неизвестная причина существенна для решения. Если дальнейшее участие зависит от устранения технической неисправности, придётся получить пригодные сведения именно о ней. Общая уверенность организатора здесь не решает задачу. Мы различаем вопросы, на которые можно действовать без полного объяснения, и вопросы, где отсутствие опоры меняет допустимый выбор. Это не универсальное разрешение принимать решения при любых неизвестных. Последствия, обратимость и собственные обязательства имеют значение. В статье рассматривается обычная организационная ситуация; опасные, медицинские и правовые решения не следует выводить из её условного примера по одной похожести слов.

Неизвестность также не является автоматическим оправданием. Если мы не установили намерение, это ограничивает обвинение в намеренном вреде. Но сам факт вредного последствия, когда он подтверждён, не исчезает. Если мы не знаем, была ли альтернатива, нельзя уверенно говорить ни о полной неизбежности, ни о лёгкости другого выбора. Можно сохранить оба предела и всё же обсудить дальнейшую процедуру. Такая позиция менее эффектна, чем окончательный приговор, зато не требует выдумывать недостающую часть истории. Она оставляет место для новых сведений. После их появления меняется тот вывод, который от них зависит, а не обязательно вся картина события и не любое прежнее решение сразу.

X. Три вопроса возвращают разговор к событию

Различение причины, основания и оправдания нужно не для победы в споре о терминах. Оно возвращает разговор к конкретному событию и делает проверяемым переход между выводами. Что привело к переносу? Чем подтверждено это описание? Почему выбранный способ считается допустимым? После разделения вопросов может выясниться, что участники согласны о поломке, по-разному оценивают срочность и имеют несовместимые расписания. Тогда дальнейший разговор касается процедуры и издержек, а не общей честности или ценности человека. Сложность не исчезла; она получила несколько понятных предметов, с которыми можно работать по отдельности, сохраняя связи между ними.

Важно не превращать различение в новый способ уклонения. Человек может идеально назвать причину, основание и норму, но не ответить на существенный вопрос о последствиях. Терминологическая точность полезна настолько, насколько помогает увидеть действие и его цену. Поэтому после объяснений стоит вернуться к исходной ситуации: чему именно требовалось объяснение, какое решение предстоит и что остаётся неизвестным? Если ответ стал длиннее, но предмет исчез, разбор не выполнил свою работу. Наша условная встреча напоминает об этом: участникам в итоге нужно понимать, состоится ли разговор, когда, на каких условиях и как сообщат о следующем изменении.

Ни Аристотель, ни Юм не дают здесь готового согласия между всеми философскими традициями. Прочитанные фрагменты позволяют точнее различать задачи объяснения, выбора и оценки. Дальнейшая практическая схема принадлежит статье и открыта для исправления. Её возможная польза состоит в более ясном вопросе и более ограниченном выводе; улучшение отношений не обещается. Иногда ясность выявляет не путь к примирению, а настоящее расхождение обязанностей или интересов. Это тоже содержательный результат. Мы можем понять причину, признать достаточное основание для факта и всё же не принять оправдание поступка. Или пересмотреть упрёк после уточнения обстоятельств, не теряя права обсуждать последствия и выбирать собственное дальнейшее участие.

Что это значит на практике

Возьмите один обычный спор, в котором многократно звучит «почему». Запишите событие нейтрально: кто что сделал, когда и какое последствие возникло. Затем сформулируйте три отдельных вопроса. Первый касается возникновения события; второй — поддержки его описания; третий — допустимости действия или степени ответственности. Рядом с каждым запишите только реально известное. Если есть лишь сообщение другого человека, сохраните его как сообщение; если есть догадка о мотиве, обозначьте её догадкой. У одного вопроса могут оказаться несколько ответов, у другого — пока ни одного.

После этого выберите тот вопрос, от которого зависит ближайшее решение. Можно сказать собеседнику: «Названное обстоятельство я понял. Сейчас мне важно, почему этот способ был выбран и какие варианты оставались». Или: «Я не оспариваю твоё намерение; мне нужно подтверждение конкретного факта». Эти фразы служат возможными формулировками, а не обязательным сценарием. Иногда разговор лучше отложить или завершить, особенно если условий для спокойного обсуждения нет. Не используйте схему, чтобы заставить человека раскрывать внутренние переживания или согласиться с вашей оценкой.

В конце отметьте, что изменилось: описание события, уверенность в факте, оценка поступка либо собственное решение. Различайте эти изменения. Новое обстоятельство может исправить одну часть картины, не оправдывая всё событие. Предложенная запись — авторский способ уточнения разговора, без доказанной гарантии пользы. Она не заменяет профильную помощь и не требует прощения. Её достаточный результат — один более точный вопрос и честный предел ответа.

Ключевая цитата

> *Мы можем менять название вещей; но их природа и их действие на разум никогда не меняются.*

Дэвид Юм, «Исследование о человеческом разумении», VIII, часть I, §70; собственный русский перевод предложения английского оригинала. Цитата относится к доводу Юма о связи причин и добровольных действий. Здесь она напоминает проверять предмет за названием, а не утверждает доказанность всей юмовской теории.

Связи между традициями

1. **Аристотель, «Физика» II.3 / Юм, «Исследование» VIII, §§65–70.** Оба текста связывают объяснение с отношениями между событиями, однако задачи различны: Аристотель различает виды причин, Юм обсуждает опыт регулярностей и выводы о действиях. Совпадение слова «причина» не создаёт общей теории необходимости.

2. **Аристотель, «Физика» II.3 / «Этика» III.1.** Источник изменения важен для причинного описания и для вопроса о добровольности. Во втором тексте он участвует в этической оценке конкретного действия; сам физический разбор не устанавливает меру вины или прощения.

3. **«Этика» III.1–2 / Юм VIII, §66.** Обстоятельства и различия участников существенны для понимания действия. Аристотель различает принуждение и выбор; Юм объясняет, почему регулярность не требует одинакового поведения всех людей. Их критерии не взаимозаменяемы.

4. **Аристотель, «Физика» II.3 / «Этика» III.2.** Цель помогает объяснять действие, но желание цели отличается от выбора средства. Эта связь позволяет поставить два вопроса; она не означает, что любая названная добрая цель оправдывает средство.

5. **Юм VIII, §§65–70 / аристотелевское обсуждение оценки III.1.** История мотивов и вопрос о похвале или вине могут относиться к одному поступку. Однако ожидаемость поведения и его допустимость — разные задачи. Различение статьи использует это соседство, сохраняя самостоятельность исторических подходов.

Первоисточники

• Аристотель, «Физика», II.3, английский перевод R. P. Hardie и R. K. Gaye. Прочитана глава II.3 полностью; основа различения видов причин, без переноса античной физики в современный естественнонаучный результат.

• Аристотель, «Никомахова этика», III.1–2, перевод W. D. Ross. Прочитаны главы 1–2 полностью и начало главы 3; использованы обстоятельства добровольности и различие желания/выбора. Историческая этика, не юридический или клинический стандарт.

• Дэвид Юм, «Исследование о человеческом разумении», VIII, часть I, §§65–70. Прочитан обозначенный фрагмент с прилегающим контекстом; используется философский разбор мотивов и ожидания действий. Полное чтение работы и эмпирическая проверка универсальности не заявляются.

Теги

причина, основание, оправдание, объяснение, почему, аргумент, довод, свидетельство, мотив, намерение, поступок, ответственность, допустимость, обстоятельства, принуждение, добровольность, незнание, выбор, цель, средство, последствия, Аристотель, Физика, Никомахова этика, Дэвид Юм, необходимость, доверие, неопределённость, частичное согласие, этическая оценка

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.